

Ежи Й. Вятр¹

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ И КУЛЬТУРНОМ МНОГООБРАЗИИ

Исторически идея нации эволюционировала в двух основных направлениях: культурологическом и политологическом. В культурологической традиции (которая восходит к работам Иоганна Гердера в XVIII в.) нация рассматривается как культурная целостность, сформированная в условиях одной общей истории и основанная на общих характерных чертах культуры, таких как паттерны культуры, язык и национальный характер. В польской социологии культурологическая традиция в изучении наций ярко представлена трудами Флориа-на Знанецкого (1882–1958) и его последователей. Политическим следствием культурологического понимания нации выступает тенденция к эксклюзивистской политике по отношению к этническим меньшинствам и иммигрантам. По отношению к первым — меньшинствам — проводилась политика ассимиляции, зачастую не без давления со стороны государства. Последние — иммигранты — подвергались процессу селекции, направленного на то, чтобы остались лишь те, у которых есть шанс ассимилироваться в преобладающем большинстве.

Альтернативную — политологическую — концепцию нации отстаивал философ Эрнест Ренан (1823–1892) во Франции и социолог Макс Вебер (1864–1920) в Германии. Для них обоих национальная идентичность полностью определялась идентификацией с государством. Нация как «повседневный плебисцит» (Ренан) существует, поскольку все члены такого сообщества хотят установить самоуправляемую политическую общность, а национальное сознание лучше всего проявляется в лояльности по отношению к национальному государству, существующему реально или желаемому (Вебер).

Политологическая концепция нации стала фундаментальной идеей демократии. Во Франции после революции 1789 года была принята конституционно закрепленная идея, согласно которой все граждане республики являлись членами французской нации. Аналогичная концепция составила основу американской нации, особенно после Гражданской войны 1861–1865 годов (отмена рабства и распространение гражданских прав на афроамериканцев), а также после принятия законодательства о правах человека 1964 года (отмена всех легальных ограничений в гражданстве, основанных на расовом признаке). По большому счету, демократия несовместима ни с какой концепцией, проводящей различия между гражданами на основе их культурной идентичности. Все граждане национального государства являются членами национального сообщества, если они считают государство, гражданами которого являются, своим отечеством.

¹ Ректор Европейской школы права и администрирования в Варшаве; почетный профессор Варшавского университета, член Польского сейма (1991–2001), министр образования Польши (1996–1997), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Член Союза демократических левых сил. Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

Само понятие «отечество» имеет два совершенно противоположных значения, выраженных в немецком языке двумя терминами: *Heimat* (родина) и *Vaterland* (отечество). Первый термин относится к стране, где человек родился, к его «частному отечеству» (по терминологии польского социолога Станислава Оссовского, 1897–1963). Сам по себе этот термин не несет политических импликаций. Политически релевантным является второе понятие «отечества» («идеологическое отечество», в терминологии Оссовского). В этом значении «отечество» идентифицируется с государством, уже существующим или тем, которое нация стремится обрести.

В современных многонациональных государствах политологическая концепция нации является краеугольной для демократии. В Преамбуле к Конституции Польской Республики 1997 года мы читаем: «Польская нация — все граждане Республики». Исходя из моего опыта работы в качестве члена Конституционной комиссии, я вспоминаю, с каким трудом мы отстаивали эту идею, как много несогласных было среди тех, кто идентифицировал польскую нацию скорее с польским этносом, а не с понятием гражданства.

Сегодняшняя Россия — важный пример современного и демократического понятия нации, которая — в соответствии с политикой, проводимой в Российской Федерации, — состоит из всех граждан Федерации, вне зависимости от их этнических (языковых, культурных) различий. Принятие политологической концепции национальной идентичности чрезвычайно важно для государственной политики, основанной на истинном равенстве всех граждан и на их идентификации с государственностью. Патриотизм в рамках данной политологической традиции выражается в отношении гражданина к государству.

Такая концепция нации требует обсуждения двух вопросов. Первый: национальный статус тех национальных меньшинств, которые не ощущают своей идентичности с государством, в котором живут. Второй: вопрос о мультикультурализме как государственной политике.

В современном мире есть государства, в которых живут национальные группы, в силу исторических причин не ощущающие идентичности с государством. Существуют две наиболее распространенные причины такого положения вещей.

Первая причина заключается в том, что в связи с переходом территорий от одного государства к другому и смещением границ некоторые национальные группы оказались внутри иного государства, а не того, с которым они себя отождествляют. Это особенно очевидно на примере Восточно-Центральной Европы, где государственные границы изменились во время и после двух мировых войн XX века. И поскольку такие изменения вводились без консультаций с местными жителями, то существенное число людей из этих меньшинств

так и остались чужими для государства, гражданами которого стали. Нелепо было бы считать их членами преобладающей нации, если они сами себя таковыми не ощущают. Максимум, который реалистически достижим в этой ситуации, — гарантия конституционных прав таким меньшинствам со стороны государства и лояльное отношение к государству со стороны меньшинств. В конце концов, более тесные отношения между демократическими государствами, а также интеграция некоторых из них в более широкие единства (такие как Евросоюз) обязательно упростят решение этой проблемы.

Вторая причина появления национально отчужденных меньшинств кроется в самом процессе пробуждения отдельных национальных групп, которые ранее не ощущали столь сильно своей идентичности. Баски и каталонцы в Испании или жители Квебека в Канаде — наглядные тому примеры. Диктаторский режим Франко, используя государственную политику репрессий, подавлял национальные устремления басков и каталонцев. В демократической Испании баски и каталонцы получили широкую автономию — благодаря этой реформе в Каталонии проблемы разрешились мирным путем, а в стране басков резко сократилась поддержка террористической деятельности. Демократическая Канада гарантирует своим франкоговорящим гражданам свободу выхода из состава федерации, если таковой будет воля большинства. Общий вывод очевиден. Демократическое государство должно быть готово к тому, чтобы даровать автономию и право на последовательное отделение всем тем национальным общинам, которые не хотят оставаться в составе общего государства. Однако ключевым аспектом здесь остается то, что решение об отделении не может быть навязано радикально настроенным (иногда прибегающим к террору) меньшинством; такое решение должно отражать свободную волю народа.

Мультикультурализм — это относительно новая и противоречивая концепция. Он отражает демократическую установку на равное отношение ко всем гражданам (и к другим лицам с постоянным видом на жительство), а также уважение к их культурным традициям и особенностям поведения. Массовая иммиграция из арабских стран и Турции после Второй мировой войны привела к формированию крупных иммигрантских сообществ (по несколько миллионов каждое) в ряде высокоразвитых европейских государств. Изначально предполагалось, что эти иммигранты или ассимилируются, или впоследствии покинут страну. На деле не произошло ни того, ни другого. В настоящее время третье поколение иммигрантов проживает в Западной Европе. Этому поколению свойственна культурная обособленность, в большой степени основанная на исламской религиозной и культурной традиции.

Демократия требует равного отношения ко всем гражданам, а также уважения со стороны государства к различным традициям, откуда эти традиции не на-

рушают законов страны. В последнее время, однако, в некоторых демократических странах наметилась и окрепла тенденция к отказу от мультикультурализма. Рост национализма во Франции и Нидерландах — двух странах с очень сильными либеральными традициями — тревожный сигнал. Что касается Соединенных Штатов, то мощная иммиграция из Латинской Америки (частично нелегальная) привела к тому, что целый ряд выдающихся интеллектуалов отвергли саму идею мультикультурализма, например, Самуэль П. Хантингтон (1927–2008). Его концепция «нового мирового порядка» основывается на обособленности культур, когда каждая культура защищает свою особость.

Является ли такой взгляд на будущее реалистичным? Консервация культурно замкнутых сообществ потребовала бы проведения одного из двух видов политики, при этом ни тот, ни другой не является реалистичным, и оба несовместимы с принципами демократии. Первый вариант такой политики — это закрытие страны для будущей иммиграции, а также «высылка домой» тех, кто в ней уже поселился. Второй вариант предполагал бы насильственную ассимиляцию иммигрантов. Ни один из этих вариантов несовместим с правилами демократии и не является реалистичным. Нападки на мультикультурализм будут, скорее всего, продолжаться, поскольку они стали ценным аргументом для правых националистов, но они не увенчаются успехом.

Единственная альтернатива — это открытый диалог культур, основанный на взаимном уважении и доброй воле. Национальное государство может требовать лояльности от своих граждан, но не может принуждать их отречься от своей культурной идентичности.

Наиболее трудноразрешимые проблемы появляются там, где какие-либо элементы культурной традиции приводят к поведению, несовместимому с принципами правового государства. В этом отношении наибольшее беспокойство вызывает семейное право. Исламская традиция дает отцам право решать вопрос о замужестве своих дочерей и выдавать их замуж в очень юном возрасте; в обоих случаях здесь нарушаются требования закона демократических европейских государств. Так называемые «убийства в защиту чести» не просто допускаются, а поощряются в рамках исламской традиции фундаментализма; однако в демократическом государстве они должны рассматриваться как преступление. Мультикультурализм не является и не может рассматриваться в качестве оправдания незаконных действий. Принятие культурного разнообразия и уважение к культурным особенностям меньшинств имеют свои пределы. И законы государства устанавливают эти пределы. Признание этих принципов — лучшая альтернатива этноцентризму и «столкновению цивилизаций» внутри границ современного государства. Это нелегкое решение, однако я не вижу иного выхода, который был бы одновременно и реалистичным, и демократическим.